

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39

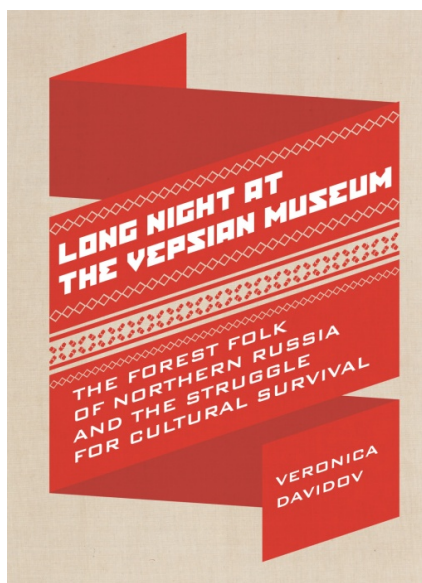
DOI: 10.17223/2312461X/22/14

«НЕТ ЛЕСА, НЕТ И ХОЗЯЕВ»: КОСМОЛОГИЯ, РЕСУРСЫ И ОТНОШЕНИЯ С ПРОСТРАНСТВОМ В ОДНОЙ ВЕПССКОЙ ДЕРЕВНЕ*

Davidov V. *Long Night at the Vepsian Museum. The Forest Folk of Northern Russia and the Struggle for Cultural Survival.*

University of Toronto Press,
2017. 130 pp.

ISBN 978-1-4426-3619-4

Рецензируемое издание является этнографическим исследованием, выполненным Вероникой Давидов, американским социальным антропологом российского происхождения из Университета Монмаут штата Нью-Джерси. Давидов известна прежде всего своей объемной монографией под названием «Ecotourism and Cultural Production: An Anthropology of Indigenous Spaces in Ecuador» (Экотуризм и производство культуры: антропология индигенных пространств Эквадора), по-

* Рецензия написана в рамках проекта «Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп», грант РФФ № 15-18-00112, рук. Д.А. Функ.

священной отношениям между экотуризмом и глобализацией среди индейцев кечуа (Davidov 2013).

В вепскую деревню Шелтозеро в Карелии исследовательницу привел интерес к экологическим аспектам культур коренных народов. В частности, ее интересовало то, каким образом представления об окружающей среде воспроизводятся коренными народами в их диалоге и конфронтации с государством. Шелтозеро известно тем, что в окрестностях этой деревни добывают малиновый кварцит – минерал, широко применяемый в строительстве и отделке монументальных зданий и статусных вещей. Именно этот минерал послужил отправной точкой для исследования, о чем автор вскользь упоминает во введении. Тем не менее данная книга вовсе не про кварцит, хотя ему отводится в ней значительное место, о чем будет сказано далее. Автор отмечает, что ее исследование – это этнографический экскурс в формирующие исторические события, вепские традиционные верования, новые хозяйственные практики и современные политические баталии в одной деревне (р. 8). При этом краеведческий музей, который фигурирует в названии книги, выступает в роли виньетки, организующей главы вокруг нескольких основных тем. Такой подход позволил автору осветить практически все аспекты вепской культуры и жизни села, не прибегая к классической линейной форме повествования.

Каждая глава начинается со знакомства читателя с каким-нибудь событием, экспонатом или человеком, связанным с музеем. Далее повествование разворачивается совершенно непредсказуемым образом, вбирая в себя все больше и больше неожиданных сравнений и поворотов, часть которых так ничем и не заканчиваются. Читатель не найдет здесь традиционной схемы построения академического текста, согласно которой глава должна содержать введение и выводы, непременно согласующиеся с заявленной темой главы, ведь нарратив продолжается и живет по своим особым правилам, а воспоминания не всегда организованы в четком линейном порядке. Логика построения глав здесь скорее символическая, следующая за развитием сюжета или отталкивающаяся от какого-либо предмета или события. Этот же принцип использует известный британский антрополог Тим Ингольд (Ingold 2011) в своем сборнике эссе. Он пишет, что его работа представляет собой полотно (в оригинале использовано слово *meshwork*, для которого нет строгого аналога в русском языке; в узком смысле «мешворк» означает технику плетения из ткани), понимаемое как текстура переплетенных нитей. Книга как бы соткана из тематических «нитей» и каждая глава в ней представляет узел. Ингольд подчеркивает, что, следуя отдельной нити повествования, главы можно читать в любом порядке, поэтому он и называет свою работу «эссе», а не «монография». То же самое можно сказать и в отношении рецензируемого произведения. Автор и сама

сравнивает свой подход к материалу с традиционной вепсской тесьмой, чей рисунок помещен на обложку книги. Безусловно, это – прямая отсылка к работе Ингольда, хотя Давидов и не ссылается на нее. В целом в ее работе почти отсутствуют ссылки на классические труды по антропологии, хотя текст при этом показывает глубокое знакомство автора с антропологической теорией. Вероятно, предполагается, что читатель уже знаком с этой теорией, поэтому ссылки излишни. Обратимся к описанию глав.

Следуя авторскому подходу нелинейного изложения, я начну со второй главы, которая, на мой взгляд, является наиболее *узловой*. Данная глава под названием «Vepsian Cosmologies» (Вепские космологии) начинается с описания деревянной фигуры *мастера*, или *хозяина леса*. Ее целью является познакомить читателей с космологией вепсов, в частности с их представлениями о хозяевах. Давидов полагает, что символизм и практики, определяющие взаимоотношения вепсов с хозяевами или духами-охранителями, влияют и на то, как вепсы выстраивают свои взаимоотношения с властью (р. 37). Она подробно пишет про «договор» с хозяином леса: это сакральные тексты на кусочках бересты, которые пастухи «отправляли» хозяину лесу для установления с ним реципрокных отношений. Такая практика была известна и среди соседних карелов, и некоторых других финно-угорских народов, а также была широко распространена среди русского населения северо-европейской части России (см.: Черных, Лобанова 2014). Большая часть главы посвящена историям о пропавших людях, которые каким-либо образом нарушили договорные взаимоотношения с хозяином леса и были вынуждены блуждать в состоянии транса в течение нескольких дней. Давидов использует эти истории для обсуждения двух важных тем: 1) практики выстраивания договорных отношений и понятие порядка в вепсской культуре; 2) культурная стигма. Рассмотрим оба пункта подробнее.

Давидов полагает, что регуляция взаимоотношений с хозяином леса относительно правильного поведения и передвижения по лесу отражает важность соответствующих правил для поддержания хороших отношений с соседями и гармонии в селе (р. 44). Данный вывод, как мне видится, восходит к работе Э. Дюркгейма (Durkheim 1915) о религиозных верованиях как регуляторе взаимоотношений в сообществе, служащих укреплению солидарности между его членами. Договорные отношения и практики регулирования поведения, по мнению Давидов, проявляют себя в различных аспектах жизни вепсской деревни: от расположения покосов до детской игры в водяного. Нарушение правил влечет за собой неминуемое наказание. Истории про заблудившихся людей как раз и призваны продемонстрировать, что может произойти с нарушителями. Сильной стороной исследования является то, что автор стремится

показать, что еще можно обнаружить за фасадом довольно известных в этнографии фактов и их интерпретаций. Пользуясь метафорой Ингольда, она продолжает тянуть нить повествования до тех пор, пока не находит, каким образом эта нить встроена в полотно сюжета. Так, Давидов отмечает, что в ее диалогах с вепсами последние нередко подчеркивали, что они являются современными людьми, а все рассказанные истории про встречи с хозяином леса и нарушение договора случились очень давно с их родственниками или друзьями. На вопрос, продолжают ли они верить в хозяев, люди отвечали: «Больше нет» или «Это то, во что верила моя бабушка». Отсюда возникает закономерный вопрос: насколько «реальна» эта система верований в настоящий момент? (р. 49).

«У нас есть телевизор» – замечает один из ее информантов на вопрос про хозяев. Интерпретируя этот ответ, автор обращается к советскому мультфильму 1948 г. «Новогодняя ночь», в котором Дед Мороз соревнуется с Лешим в чудесах, противопоставляя нехитрому мастерству последнего достижения советских технологий. В частности, он демонстрирует телевизор как более продвинутую технологию по сравнению с блюдом, в котором Леший видит все происходящее вокруг. Можно сказать, что фигура хозяина леса / Лешего амбивалентна для вепсов: с одной стороны, именно она встречает посетителей музея; с другой – хозяин вытеснен современностью (*modernity*) с ее верой в технологии и прогресс.

Модерность – понятие, которое плохо переводится на русский язык (см. Elfimov 2003). Давидов подчеркивает, что вепсы хотят казаться современными, и использует слово *modern*, а не похожее по смыслу *contemporary*. Через осмысление этого понятия автор приходит к обсуждению стигматизации вепсской культуры: хозяин леса – это то, о чем говорить запрещено и в некоторых контекстах стыдно в связи с его *несовременностью*. Он вне модерности, к которой относятся, например, лесозаготовительные компании, вторгающиеся и изменяющие пространство леса. Эта мысль подробнее рассматривается в последующих главах, в которых руководители компаний и чиновники сравниваются с «плохими хозяевами» (глава 4 «The Bad Masters» (Плохие хозяева)). По мнению Давидов, для вепсов исторически характерно выстраивать договорные отношения с вышестоящими по статусу людьми, которые рассматриваются ими в качестве гарантов поддержания порядка. В этой связи фраза, сказанная одним из ее информантов, «нет леса, нет и хозяев» имеет несколько смыслов. С одной стороны, без пространства леса не может быть и хозяина леса; с другой – современные хозяева настолько плохи, что сами же и разрушают лес, а вместе с ним и отношения доверия и морали.

Третья глава под названием «Spruce Eyelashes and Blue Eyes of Lakes» (Ресницы елей и голубые глаза озер) подробнее обсуждает вза-

имоотношения между вепсами, ресурсами и государством. Именно в этой главе особое внимание отводится кварциту – наиболее космополитичному минералу, как его определяет сама Давидов (р. 85). С помощью этого минерала вепсы Шелтозера устанавливают сеть взаимоотношений с другими местами (например, московское метро), предметами (саркофаг Наполеона), событиями (военные памятники) и значимыми людьми, наделенными властью, или хозяевами (Петр Первый), а также утверждают свою идентичность в качестве тех, кто умеет обращаться с камнем. Давидов полагает, что признание извне, особенно со стороны влиятельных других, является для вепсов основополагающим как для их культуры, так и определения себя как группы. Эту идею автор развивает в заключительной главе книги под названием «The Long Night of Museums» (Длинная ночь музеев), в которой повествование возвращается в музей. Через участие в ночи музеев в Шелтозере Давидов показывает, как сами вепсы с помощью нарративов, викторин и игр репрезентируют свою культуру. Кварцит выступает буквально краеугольным камнем этой культуры. Таким образом, Давидов отходит от привычного отношения к музею как колониальному инструменту репрезентации, который так характерен для дискурса постколониальных исследований (см.: Simpson 2001). Она также критикует «зеленый примитивизм», показывая, что для вепсов использование ресурсов и взаимоотношения с властью всегда являлись важными составляющими их истории и идентичности.

В заключение отмечу, что работа Давидов является во многом новаторской для этнографии Севера. Ей удалось уйти от привычных линейных форм повествования и знакомого дискурса «проблемных» отношений между коренными народами и властью вокруг ресурсов. Данное исследование, несомненно, является примером того, как может выглядеть хорошее этнографическое описание без морализаторства и нативизма, которое при этом обсуждает действительно сложные вопросы идентичности, истории, властных отношений и культурной стигмы. Однако именно это обстоятельство представляется наиболее неоднозначным в исследовании Давидов: показывая, каким образом вепсы переосмысливают свою историю и идентичность, позитивно инкорпорируя договорные отношения с властью, автор уходит от обсуждения негативных аспектов этого процесса, хотя и отмечает их. Тот факт, что вепсы веками были вплетены в сеть взаимоотношений с государством, является результатом наличия на их территории уникальных ресурсов. Если отношения с хозяином леса во многом равные, строящиеся на взаимном договоре и реципрокных отношениях, то взаимоотношения с государством и компаниями больше напоминают редистрибуцию. Поэтому ставить их в один ряд представляется слишком широким обобщением, хотя оно и может показаться на первый взгляд любопытным.

Тем не менее попытка посмотреть на «ресурсное проклятие» с помощью эмик-подхода заслуживает, на мой взгляд, особого внимания к данной работе.

Литература

- Davidov V.* Ecotourism and Cultural Production: An Anthropology of Indigenous Spaces in Ecuador. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013.
- Durkheim E.* The Elementary Forms of the Religious Life: A Study in Religious Sociology. London: George Allen & Unwin; New York: Macmillan, 1915.
- Elfimov A.* Russian Intellectual Culture in Transition: The Future in the Past. Berlin: LIT Verlag, 2003.
- Ingold T.* Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description. London: Routledge, 2011.
- Simpson M.G.* Making Representations: Museums in the Post-Colonial Era. London: Routledge, 2001.
- Черных А.В., Лобанова А.С.* Коми-пермяцкий этнографический сборник. Вып. X. СПб.: Маматов, 2014.

Н.А. Мамонтова

*Школа географии и окружающей среды Университета Оксфорда,
Московский государственный университет*

Рецензия поступила в редакцию 5 ноября 2018 г.

*Mamontova Nadezhda A., School of Geography and the Environment, University of Oxford,
Lomonosov Moscow State University*

‘NO FOREST, NO MASTERS’: COSMOLOGY, RESOURCES, AND RELATIONS WITH SPACE IN A VEPSIAN VILLAGE

Review of Davidov V. *Long Night at the Vepsian Museum. The Forest Folk of Northern Russia and the Struggle for Cultural Survival.* University of Toronto Press, 2017. 130 pp. ISBN 978-1-4426-3619-4

References

- Davidov V. *Ecotourism and Cultural Production: An Anthropology of Indigenous Spaces in Ecuador.* New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- Durkheim E. *The Elementary Forms of the Religious Life: A Study in Religious Sociology.* London: George Allen & Unwin; New York: Macmillan, 1915.
- Elfimov A. *Russian Intellectual Culture in Transition: The Future in the Past.* Berlin: LIT Verlag, 2003.
- Ingold T. *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description.* London: Routledge, 2011.
- Simpson M.G. *Making Representations: Museums in the Post-Colonial Era.* London: Routledge, 2001.
- Chernykh A.V., Lobanova A.S. *Komi-permiatskii etnograficheskii sbornik. Vyp. X* [The Komi-Permian ethnographic collection of papers. Issue 10]. St. Petersburg: Mamatov, 2014